

Максим Гаусс

ЛЕСНИК

Назад в СССР

Путь одиночки

Максим Гаусс

Лесник: Назад в СССР

«Автор»

2023

Гаусс М.

Лесник: Назад в СССР / М. Гаусс — «Автор», 2023 — (Путь одиночки)

С браконьерским прошлым покончено - впереди новая жизнь в пятидесятых годах послевоенного СССР. Под чутким руководством Матвея Ивановича, Евгений Громов занимает должность егеря и постепенно постигает азы нового ремесла. Выполняя особое поручение от министерства охотничьего хозяйства, они невольно становятся свидетелями страшных и пугающих событий, объяснить которые будет непросто...

Содержание

Глава 1. Тревожные моменты	6
Глава 2. В поселке	12
Глава 3. Ситуация ухудшается	17
Глава 4. Рабочая версия	22
Глава 5. Ночная охота	28
Глава 6. С корабля на бал	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Гаусс Лесник

16+

Глава 1. Тревожные моменты

Конец апреля, 1957 год. Где-то юго-восточнее Кыштыма.

Я ждал уже третий час.

Все тело давным-давно затекло, мышцы ныли, как бы намекая на то, что пора бы уже встать и размяться как следует. Одежда на животе уже насквозь промокла от пота, а запах сырости начал раздражать.

Нет, так-то я приученный – в прошлой жизни, еще в учебном центре, инструктора научили меня лежать без движения в течение шести-семи часов. Но раньше и тело у меня было другое, а здесь...

Безусловно, я уже осознал, что во мне произошли некоторые изменения и я уже не тот человек, кем был раньше. Физически и интеллектуально. Некоторые полезные навыки и знания потерялись, но взамен появились другие, реакция стала хуже, но при этом изменилось мышление. Да и решения во многом были сомнительными – смешение подсознаний оставило свой отпечаток.

Однако, несмотря на это, времени зря я не терял – едва поправив здоровье, сразу же возобновил тренировки, продолжил бегать по утрам. Начал отжиматься, качать пресс. Даже скрутил себе турник, где и выписывал канделябры на зависть местной детворе. В общем, потихоньку приобретал нужную мне физическую форму. Но этого было недостаточно. Недавняя схватка с браконьерами показала, что от навыков опытного боевого офицера и выживальщика осталось немного.

Тяжко вздохнув, я перевалился на другой бок. Терпение уже было на исходе, а чертов кабан все не появлялся. Где ж его черти носят?

Рядом лежало новенькое двуствольное ружье ИЖБ-36. Спустя пару недель после войны с браконьерами, от прошлого председателя мне достался этот боевой трофей. Судя по всему, Тимофей Александрович из него даже ни разу не стрелял. Изящный корпус ружья мне сразу понравился, а первый же выстрел окончательно развеял все сомнения – словно бы для меня делалось.

О чем только я не успел подумать за прошедшее время. Последняя мысль заставила меня усмехнуться – а черти, случайно, не дальние родственники кабанов?

Тьфу ты, всякая чушь в голову лезет. Нужно сосредоточиться.

Вообще, все дело в том, что недавно из Министерства управления охотничьего хозяйства СССР неожиданно пришло указание предоставить сведения обо всех обитающих в нашем районе кабанах. Типа популяцию они анализировали, сводки какие-то делали. Чего им там взбрело в голову?

Матвей Иванович сказал, что это обычное дело. Не в первый раз такое распоряжение поступает. Опытный егеря знает куда идти и где смотреть.

Еще в конце января старика все-таки выписали из госпиталя и вернули обратно в поселок. Медицинский персонал вздохнул свободно – неугомонный дед там всех достал своими нравами. По возвращении в Соболевку, он еще долго кочевряжился, но все-таки сдался и в марте наконец-то сложил с себя полномочия егеря. Все-таки удар по здоровью был ему нанесен ощутимый, и старик начал сдавать обороты. Но это решение не помешало ему бродить по тайге и дальше... Она для него дом родной, кто бы там что ни говорил.

Как и стоило того ожидать, на замену старику, из управления никого не прислали. Хитрый лесник несколько дней ходил в задумчивости, а потом лично отправился к новому председателю сельсовета. Что он там с ним обсуждал, я мог только догадываться. Но когда меня

вызвали в администрацию, то поставили перед фактом, что моя кандидатура рассмотрена на должность нового егеря. Вернее, не только рассмотрена, но и утверждена.

Жители Соболевки, благодаря моим стараниям, уже прекрасно знали, кто я такой. Опять же, спасибо вмешательству Федора и его бывшей супруги. То, что я практически в одиночку разобрался с браконьерами и восстановил справедливость, сыграло огромную роль и добавило мне авторитета.

– Женька, не обольщайся! – угрюмо пробурчал Иваныч, когда я сообщил ему новость. – Егерь из тебя пока что никакой. Но, так и быть, буду потихоньку тебя обучать, глядишь, что толковое и выйдет. Но смотри, от меня пощады не жди... Я с тебя три шкуры сдеру, но ты у меня научишься делать все, что умею я.

– Иваныч, ну ты чего? – показательно возмутился я. – Вообще-то, кто-то целую банду браконьеров успокоил. Кстати, если помнишь, товарищ Уткин хотел меня живьем в твоём доме сжечь...

– Ну и что? – фыркнул старик. – Тоже мне противники. Один раз гаркнул, они и разбежались. К тому же с Уткиным тебе медведица помогла. Сам же говорил.

– Ага, твоя медведица меня самого на тот свет чуть не отправила! Хороша помощь! – усмехнулся я. – А после в поисках твоего зимовья по тайге сколько скакал? Ты ведь мог мне сразу весь расклад дать, но не сделал этого.

– Эх ты, – с досадой махнул рукой старик. – Не понимаешь ты еще многого. Люди – это люди. А со зверем себя по-другому вести нужно... Ну, молодо-зелено!

В общем, подводя черту, отмечу, что последние пару месяцев я активно постигал охотничью науку, а заодно вбирал в себя все тонкости обязанностей егеря. Честно говоря, соглашаясь на должность, я и не думал, что придется столько ходить! Днём и ночью – все ножками, ножками... С ружьем и рюкзаком на плечах. Каждый день по десять – двенадцать километров, а как теплее стало, так еще больше.

Мозг-то у меня тренированный, а вот тело оказалось к такому не готово.

Кстати, в декабре, когда закончилась вся заварушка с мстительной медведицей и браконьерским сообществом коварного Снегирева, ко мне пришли из милиции. Ведь как ни крути, а дело получилось громкое. Люди, что прикрывали Снегирева сверху, перепугавшись, вдруг куда-то пропали. К счастью, утрясти многие недомолвки помог сам Федор. По итогу я объяснил участковому и председателю, что документы мои были уничтожены во время пожара, поэтому им пришлось поверить на слово. Через некоторое время, в обход формальностей, мне сделали новые документы, взамен утраченных. В счет моих заслуг. Честно говоря, не думал, что это возможно.

Больше не было никакого браконьера Ивана Смирнова, по паспорту был только я – Евгений Громов, двадцать шестого года рождения. Наличие документов давало мне право спокойно покинуть эту глушь и перебраться в город, поближе к людям и цивилизации. Да хоть в тот же Свердловск или Челябинск.

Деньги у меня тоже были – оказалось, что бывший завхоз в своем личном бараке хранил то самое золото, что отыскала наша группа, перед тем как меня бросили умирать на той поляне. Уткин сам попросил Федора сохранить имущество до лучших времен. Обменяв его, я стал обладателем почти десяти тысяч рублей по тем временам.

Казалось бы, езжай и живи как человек, но я предпочел остаться. Никакого желания ехать в город у меня не было.

И вот сейчас, отойдя от Соболевки на добрых тридцать километров к юго-востоку, мы со стариком случайно обнаружили целое семейство дальних родственников «Пумбы».

И буквально с первого же взгляда заметили, что вожак вел себя подозрительно странно. Мало того что он держался вдалеке от остального семейства, так еще и ничего не ел. Уже второй день. Хрен его разберет почему...

– Что-то беспокоит животинку! – нахмурился Иваныч, глядя на него в бинокль.

Чуткий к таким вещам старик очень заинтересовался и принципиально не хотел уходить из этого района, не разобравшись с причиной. Уже второй день мы вели наблюдение, и были поводы для того, чтобы насторожиться.

– Матвей Иванович, ты, конечно, человек опытный! – произнес я, глядя на своего «наставника». – Но скажи мне, какого черта мы тут торчим? В телеграмме же черным по белому было написано, предоставить сведения о количестве животины. Остальное не наше дело.

– Женька, не торопись! – проворчал старик. – Ты заметил, что вчера кабанят было четверо?

– Ну да.

– Вот! А сегодня трое! – он поднял вверх палец. – Самка никогда не бросит малыша одного, а потеряться ему здесь негде.

– Может, сожрал кто? Мало ли тут хищников ходит, места-то глухие совсем.

– Не знаю, – задумался егерь. – Может, ты прав. Только я не слышал, чтобы ночью кто-то на кого-то нападал. И все же кабан этот...

Хоть старик и ушел на заслуженную пенсию, в поселке его все равно продолжали называть егерем. В жизни иногда бывает так, что прозвище или псевдоним намертво прилипает к человеку, что ты ни делай... Вот это как раз тот самый случай.

Вообще, учитывая тот факт, что мы находились вдали от цивилизации, люди сознательно отошли от многих правил. Власть особо не интересовалась о потребностях людей, все внимание было направлено на рост городов, экономики и мировой политики. Одна только история с Венгрией чего стоила...

И вот сейчас, лежа прямо на собственном тулупе, я ждал, пока хоть где-то появится наш странный кабан. Но, как назло, того нигде не было и это меня не на шутку взволновало. Все остальные были здесь, а самец пропал. Как и сказал Иваныч, ночью мы не слышали никаких звуков нападения – обычно, если кто-то кого-то кушает, слышно на сотни метров. А тут ничего.

По прошествии еще сорока минут, я не выдержал и поднявшись, медленно направился к лежке Матвея Ивановича, в трехстах метрах к югу. Но когда я прибыл на точку, его тоже не оказалось, хотя рюкзак и тулуп лежали на прежнем месте.

– Не понял... Иваныч? – задумчиво пробормотал я, оглядываясь по сторонам. Вокруг тишина, ни души. Остальное кабанье семейство паслось в двухстах метрах к югу, на небольшой полянке. Мы старались соблюдать тишину, натянули на себя маскхалаты, не желая беспокоить животных.

Я двинулся дальше, обошел небольшой поросший мхом холмик и вдруг наткнулся на бурелом. Пришлось обходить и его. Метров через тридцать, справа от него, с ружьем за спиной, неподвижно стоял Матвей Иванович. Голова опущена, вид задумчивый...

– Иваныч? – негромко окликнул я. – Ну что там?

Старик не отреагировал. Только неопределенно головой качнул.

Я подошел почти вплотную, но пока не разглядел, куда именно он смотрит.

– Ты чего?

– Гляди... – не оборачиваясь, кивнул он.

Прямо перед нами, среди веток лежала огромная, изуродованная туша кабана, за которым мы второй день вели наблюдение. Ребра сломаны, брюхо разорвано, а обе задние ноги вырваны вместе с ляжками. Шкура подрана так, будто на него дикие кошки напали... И повсюду кровь.

Вы когда-нибудь видели вблизи матерого дикого кабана? Лесной кабан мало того, что сам по себе уродливый и страшный, он еще и огромен. К тому же, он крайне опасен для любого человека, случайно оказавшегося у него на пути. Но при этом глуповат и нетерпелив. Доста-

точно залезть на дерево и потерявшее вас из вида животное свалит само... Но увиденное сейчас, заставило шевельнуться в моем желудке утренний завтрак.

– Нихираси! – вырвалось у меня. Картина была не самой приятной.

– Это еще что такое? – сухо пробормотал старик, услышав незнакомое слово.

– А-а? Это... Древнее японское выражение, символизирующее крайнее удивление, – спохватился я, на ходу придумав значение.

– А-а... Вот и я того же мнения.

– Кто это его так?

– Не знаю. Первый раз вижу подобное. Ни один хищный зверь не мог такого сделать с матерым кабаном. Даже медведь на такое не способен. Сначала просто звери пропадали, а теперь вот это!

– А человек мог такое сотворить?

Мы переглянулись. Оба подумали об одном и том же. На подходе к этому месту мы видели тухлые останки еще двух кабанов с похожими признаками. Затем пропадает молодой кабаненок, потом ни с того ни с сего дохнет матерый самец. Уж не происки ли это браконьеров? Ведь товарищ Снегирев вместе с председателем с позором бежали в тайгу, где бесследно и пропали. Другие браконьеры тоже сбежали, кто куда. Что, если они осели где-нибудь в этом районе и вновь принялись за свои гадкие делишки?

Я склонился над останками животного, чтобы осмотреть все поподробнее. Следов от пули не видно. Если бы зверь подорвался на mine, все выглядело бы куда хуже. Как минимум была бы воронка. Но откуда бы в глуши взяться mine?

Черт возьми, кто же это сделал? Или что?

Не обнаружив никакой зацепки, мы отошли в сторону.

До Соболевки было далеко, километров тридцать.

– Здесь есть охотничьи лагеря или поселки? – поинтересовался я, доставая карту.

– Есть один, – отозвался тот. – Я в сорок девятом году там прохождением был. Тыфу ты, совсем из башки вылетело, как поселок-то обзывается... А, Прокофьевка. Точно!

– Дым в трубу, пельмени разлепись! – пробормотал я.

– Что ты такое мелешь? – снова удивился егерь.

– Ну... Наши планы по переписи популяции кабанов только что посыпались... Что теперь будем делать? Полагаю, что возвращение в Соболевку откладывается на неопределенное время?

– Да. Хочу осмотреть этот район и понять, что все это значит. Что-то здесь странное творится. Видел я уже похожее. Правда, давно это было и неправда.

Все это действительно было очень странно. Я видел озабоченность на лице старика – его это беспокоило куда больше, чем меня. Кто-то устроил охоту на кабанов? Но почему именно так?

Отошли к стоянке, решили провести ревизию наших вещей. Провизии и воды с собой было немного, но на пару дней точно хватит. К тому же, можно использовать то, что дает лес. Плюс вокруг было множество ручьев, в которых обитала рыба.

Конечно, учитывая характер окружающей среды, на ночь приходилось принимать меры безопасности. Спали на растянутых между деревьями гамаках, на высоте трех-четырех метров. На дереве тоже можно, только хрен выспишься... Если сам Матвей Иванович мог ходить ночью по тайге, то мне было еще рано. Ночная тайга особенная, явно не для каждого.

Старик твердил, что только тот, кто освоил ночную охоту и прочувствовал иную атмосферу ночного леса, может считаться настоящим охотником. У меня на этот счет было свое мнение, но разве ж Иваныча переубедишь?

Наполнив флаги в роднике и перепаковав вещевые мешки, мы двинулись на юго-восток. Лес в этих местах был смешанный, больше лиственный. Тайгой его назвать было уже сложно.

Шли мы по старой карте. Хоть старик и убеждал меня, что в лесу не заблудится, я этому несильно доверял. Все-таки, места незнакомые, ориентиров нет. Сбиться с пути – раз плюнуть.

Несмотря на то, что близился май, температура едва доходила до плюс семи. Большая часть снега к этому времени уже растаяла, но местами еще попадались довольно большие участки. Погода начала портиться еще с утра, но мелкий дождик пошел только сейчас.

Чем дальше мы шли, тем больше хмурился старик.

– В чем дело, Иваныч? – поинтересовался я, наблюдая за странным поведением моего спутника. То он к дереву подойдет, то к кустарнику. Следы чьи-то на снегу увидит, непременно подойдет и посмотрит. Нахмурится, прислушается.

– Тихо.

– Что? – я сразу же насторожился.

– Тихо, говорю, здесь, – пробормотал егерь, озираясь по сторонам. – Слишком тихо. Не нравится мне.

Я не нашелся что ответить, но тоже стал внимательнее к деталям. Про себя отметил, что вокруг и, вправду, стало как-то мрачновато. То ли мы спустились в низину, то ли тучи над лесом сгустились еще больше, но стало заметно темнее... Сырость и затхлость воздуха стала ощущаться сильнее. Куда-то пропали все птицы.

Недолго думая, приняли решение не мокнуть почем зря, а сделать привал. Из еловых веток и жердей быстро сложили небольшой навес, под ним решили переждать дождь. Развели небольшой костер, подогрели консервы.

Неподалеку была узкая речка с проточной водой, поэтому там можно было набрать воды и вскипятить чаю.

– Сколько нам еще идти? – я задумчиво посмотрел на часы.

– Километра три с половиной, если меня память не подводит.

Лагерь разбили за десять минут.

– Слушай, Иваныч! – произнес я, пережевывая горячий кусок тушеной свинины. – Я все понять не могу, а почему ты меня порекомендовал на роль егеря? Ведь в Соболевке есть и другие, куда более достойные кандидаты. Да хотя бы тот же Гришка Денисов. Это ведь они медведицу завалили, чем спасли наши с Федором шкуры.

– Потому что, – мрачно отозвался старик. – Егерем не каждый может быть. Вот Гришка... Пробовал я его учить, так он же деревянный. Интуиции нет, предчувствие не развито, а звери для него – это только мишень. Зверя если не любить, то уважать уж точно нужно. А с ружьем любой дурак обращаться может.

Я рассмеялся.

– Ну а другие что?

– Да такая же история, – отмахнулся егерь, наливая воду в переносной чайник. – Я вроде уже рассказывал, что в Соболевке было у меня два ученика, так оба ну никакие... Так потом еще и проблемы были. Все желание отбили передать кому-то свои знания и опыт. А тут ты не пойми откуда появился.

Пока моросил дождь, мы вскиптали на костре чаю. Иваныч рассказывал байки про то, как он с дважды рысью встретился. Даже имя ей придумал.

Я тоже поведал кое-что из своей прошлой жизни, при этом, не вдаваясь в подробности.

Примерно через час дождь все-таки прекратился. Со стороны реки медленно пополз туман, стелящийся по самой земле. Красивое и одновременно жутковатое зрелище. Постепенно докатилось и до нашей стоянки.

Клубы густого белого тумана обошли кострище стороной, словно бы боялись открытых языков пламени. Выглядело это даже забавно, хотя и мрачновато.

– Гляди-ка! – ткнул пальцем Иваныч. – Нечасто такое увидишь. Это из-за перепадов температуры.

– Тоже видел подобное, – согласился я. – Может, пока дождя нет, пойдем уже?
Егерь согласно кивнул.

Навес оставили, мусор закопали под камнями, а затем, забрав свои вещи, продолжили путь. Стало заметно прохладнее, отчего я накинул на голову капюшон.

На пути стали попадаться скалы и камни, густо облепленные мхом. Повсюду были обломки сухих веток, попадались упавшие деревья. Из-за влаги и недавно прошедшего дождя все было скользким – пару раз я даже чуть не шваркнулся, неудачно встав на камни.

Примерно минут через десять, егерь остановился в нерешительности.

Я шел чуть поодаль и не сразу понял причину остановки спутника. А когда поравнялся – обомлел... Перед нами лежал растерзанный лось...

Глава 2. В поселке

– Ну, ни хрена себе! – вполголоса пробормотал я, остановившись как вкопанный. – Далеко не самое приятное зрелище!

По спине поползли мурашки, в затылке возникло неприятное ощущение. Я даже вздрогнул, хотя было не холодно.

Егерь шумно выдохнул, молча закинул ружье за спину, медленно склонился над тушей лося и принялся рассматривать останки.

Некоторое время было тихо, затем он произнес:

– Заметил сходство? Такие же раны, как и у кабана. И снова нет ни следов от пуль, ничего такого, что мог оставить человек. С раннего утра лежит. Скорее всего, все произошло перед рассветом. И еще... Что видишь?

– Рогов нет. Самка?

– Она самая. Самки всегда безрогие. Они слабее самцов и менее выносливы.

– Это понятно, но все же... Кто мог напасть на здорового лося? Да в этой дуре весу килограммов пятьсот с лишним! Попробуй-ка, завали ее из ружья!

– Не в ружье дело. На самца, на открытом пространстве и не каждый медведь рискнет лезть, а про мелких хищников я вообще молчу. Меня другое настораживает – почему не видно практически никаких следов борьбы? Заметь, только листья немного разрыты и мох с камней содран. Все, – Иваныч поднял голову и осмотрел местность. – И еще не пойму, зачем лосихе вообще нужно было лезть в эту лощину? Здесь же нет ничего, что она могла бы употребить в пищу. Вернее, есть, но пищи вокруг и без того предостаточно.

– Может, ее напугали? – предположил я. – Вот и забрела не туда.

– Не знаю. Я вообще теряюсь в догадках. Но даже если и так, что с ней произошло потом? Не сама же она себя разодрала. Гляди, опять лапы оторваны.

На мгновение повисла тишина.

– Ты говорил, видел нечто подобное и раньше, – поинтересовался я. – А что именно?

– Ну... – Матвей Иванович наморщил лоб, вспоминая обстоятельства того времени. – Помнится, это еще в тридцать пятом году было. Я тогда в Воронеже в отпуске был у старого друга. Там поселок небольшой есть, уже и не помню, как он там назывался. Так вот там тоже подобное было, только не с дикими животными, а с домашним скотом. Коровы, свиньи. И вот примерно так же было.

– И что, выяснили что-нибудь?

– А ничего, – вздохнул старик. – Примерно дня три такая ерунда повторялась, а потом само собой прекратилось. Я бы и не вспомнил этот случай, да только вот так же у коров задние ноги были оторваны. А на них больше всего мяса.

Здесь было что-то необъяснимое, мистическое.

Пока я у себя в голове перебирал варианты, егерь вдруг созрел:

– Уж не происки ли это нечистой силы?

Он посмотрел на меня странным взглядом, мне кажется, в его глазах даже на мгновение испуг промелькнул.

– Иваныч! Ну е-мое! Ты вроде мужик в возрасте, а веришь в сказки про оборотней и духов?

– А отчего же нет? – глядя мне в глаза, возразил тот. – Черти там всякие, кикиморы... Думаешь, их не существует?

Я невольно рассмеялся. Махнул рукой и неторопливо двинулся дальше – чего толку стоять и на лосиные останки смотреть?!

Лично я во всем этом ничего сверхъестественного не видел. Объяснение простое – либо хищник какой-то постарался, либо человек. Может, случайность, а может, и закономерность. Безусловно, разобраться нужно, но стоять рядом с тушей и просто нести чуть насчет нечистой силы? Нет уж, извольте.

Туман по-прежнему стелился по земле, правда, стал более редким. Сырость уже начала действовать на нервы, поэтому я намеревался быстрее покинуть этот участок и выбраться на открытое место.

Справа, вдоль намеченной мной тропинки шел выход скальной породы, густо покрытой зеленым мхом и плесенью. Между камнями были огромные трещины, где-то журчала вода.

Однако не прошел я и двадцати метров, как остановился в нерешительности – прямо передо мной, во влажной грязи был отпечаток. То ли ноги, то ли звериной лапы – точнее не скажешь, потому что след был нечеткий.

– Иваныч! – настороженно пробормотал я, затем потянулся к висящему за спиной ружью. Затравленно осмотрелся по сторонам. Кто бы ни оставил этот отпечаток, он все еще мог быть рядом.

– Отдаленно похоже на медведя! Хотя, нет, – спустя несколько секунд выдал заключение егеря. Сел рядом, принялся осматривать. Взял палку, ковырнул грязь. Зачем-то понюхал.

– Ну, ты еще на вкус попробуй! – невесело фыркнул я.

– Не умничай.

Отпечаток был только один, ничего похожего поблизости больше не было.

– Мелковат след для медвежьего! – заявил я, глядя на старика. Так-то я уже видел следы медведицы, и они куда крупнее были, да и выглядели иначе.

Егеря вздохнул.

– Чертовщина какая-то... Ладно, идем отсюда. До поселка недалеко, километра два с половиной.

Мы покинули лощину. Честно говоря, когда мы оставили позади низину, затянутую туманом, даже дышать стало легче. Сырой воздух как будто на мозги давил. Примерно через час последняя кромка леса осталась позади, и вдалеке, в небольшой долине мы увидели границы крохотного поселка.

– Это что, и есть Прокофьевка? – уточнил я, разглядывая ее в бинокль.

– Она самая. Удивлен?

– Честно говоря, да. Она же меньше Соболевки раза в два, – заметил я, оглядывая темные, покосившиеся дома из сруба. – Судя по всему, она гораздо старше. Не удивлюсь, если еще с девятнадцатого века стоит, с царских времен?

– Так и есть, – кивнул Матвей Иванович. – Здесь население человек пятьдесят, а может уже и меньше. Охота здесь не пошла, а потому артелей здесь тоже нет. Ну чего встал? Пошли, нужно до темноты успеть.

И верно, на западе уже начинал алеть закат. Пройдет совсем немного времени, солнце зайдет за горизонт и лес погрузится во тьму. Что ни говори, а не было у нас желания бродить по темноте, учитывая близость поселка.

Когда же мы пересекли границу Прокофьевки, я сразу осознал тот факт, что уровень жизни здесь куда хуже, чем в той же Соболевке. Поселок был вытянут с севера на юг и примостился в небольшой долине, среди редколесья.

Здесь была только одна улица, не было ни школы, ни отделения милиции. Жилых домов если десятка два наберется – и то хорошо. Здание сельсовета представляло собой старую покосившуюся избу, у которой из-за времени даже крыша прохудилась. Местных жителей на улице почти не было, а те, что имелись, все были в возрасте. Ни одного молодого человека я тут не заметил.

Справа, на самой окраине среди сухих зарослей, ржавел брошенный ЗИС-5, с отсутствующим передним колесом. Рядом примостилась разбитая телега, сразу за ними стоял развалившийся и потемневший от времени сруб. Выглядело удручающе.

– Как-то все совсем печально... – пробормотал я, на пару секунд остановившись у машины. – Сдается мне, что сюда и транспорт не ходит?

– Ходит. Раз в месяц. А своей техники тут еще с войны нет.

– Ну а егерь-то хоть здесь имеется? – поинтересовался я.

– А как же? Конечно, имеется, – проворчал старик, глядя по сторонам. – Степан Кузьмич, опытный охотник. Ночью с закрытыми глазами куда угодно пойдет. Только древний он уже, как говно мамонта. Очень надеюсь, что не помер еще. Да-а, тяжело признать, что Прокофьевка медленно, но верно загнивает. Здесь ведь и охотников почти нет. А с другой стороны, чего тут молодежи делать? В пятьдесят втором поговаривали, что ее расселять будут, но так и не дошло до этого. И таких вот загибающихся поселков как Прокофьевка, во всем Союзе тысячи... Но Никите Сергеевичу не до таких мелочей.

У меня сложилось о поселке своеобразное мнение, которое можно было описать всего одним словом – дыра. Даже сравнительно небольшая Соболевка, расположенная на окраине таежной глуши, на фоне этого поселка смотрелась куда лучше. А уж если сравнивать с каким-нибудь небольшим городишкой, так и подавно.

– У меня тут знакомых немного, но парочка имеется, – произнес Иваныч, осматриваясь по сторонам. – Давай-ка заглянем к председателю сельсовета здешнего?

Других предложений у меня не было, поэтому я согласился. Пока шли, я обратил внимание, что новых домов здесь не было. Вообще. Все избышки давно уже потемнели от времени, некоторые рассохлись. Отдельные вообще развалились. Все это говорило о том, что будущего у поселка нет.

Едва мы вошли в здание сельсовета, как из коридора выглянула женщина лет пятидесяти. Несколько секунд она хмурилась, пытаясь разглядеть гостей.

– Ой, Матвей Иванович! – ахнула она, все-таки опознав егеря. – Вот так хорошая новость в наши края залетела. Года четыре тебя не видела. Откуда ты здесь, да еще и не один?

– И тебе вечер добрый, Алевтина, – расплылся в «усатой» улыбке Иваныч. – А я больше не егерь. Вот, нового, молодого назначили недавно. Обучаю. Ваш-то Кузьмич как?

При этих словах женщина махнула рукой.

– Все пропадает. Неделями ходит где-то.

– Ну, понятно, – кивнул егерь и вдруг, вспомнив что-то, добавил: – А вы распоряжение Министерства управления охотничьим хозяйством получали?

– Это какое? То, что о мерах по защите и охране кабанов по районам ответственности? – наморщилась Алевтина. – Ну да, получали. Только Кузьмич раньше ушел и отрабатывать пока некому. А кабанов в наших краях немного.

– Вот по этому же поводу и мы в этих краях гуляем. Случайно забрели в ваш район. Как раз недалеко от Прокофьевки наблюдали за одним семейством кабаньим и заметили кое-что странное. Вы, кстати, ничего необычного в лесу не замечали?

– Да вроде нет. А что именно?

– Ну, может, люди появились посторонние или медведь завелся. Рысь или еще кто-нибудь.

– Нет, ничего такого вроде.

Мы переглянулись.

– Алевтина, нам бы к председателю переговорить с глазу на глаз, – попросил егерь. – Где он, кстати?

– А! Ну, это только завтра уже... – женщина нахмурилась и неопределенно махнула рукой. – Егорович «наркомовской» пару стаканов на грудь принял. Бесплезно с ним сегодня говорить, поди, спит уже.

Матвей Иванович понимающе усмехнулся.

– А переночевать у вас можно?

– Конечно. Только выбор совсем не богат. Вот у меня и переночуете, места много. Горячий ужин и постель вам точно организую. Я ж одна живу, места много.

– А не помешаем? – поинтересовался я.

– Нет, конечно. А как нового егеря звать-то?

– Евгений. Громов.

– Вот и познакомились! – улынулся Иваныч, выглядывая в окно. – Уже стемнело почти...

И верно, когда мы покинули здание администрации и вышли на центральную улицу уже практически стемнело. На рыжем горизонте темнели крыши домов, из труб к звездному небу поднимались клубы дыма.

– Идите за мной, – позвала Алевтина, накидывая на плечи бушлат. – Тут недалеко.

Дом у нее действительно оказался большой. Даже слишком большой для одной женщины. Пока шли, успели немного поболтать. Выяснилось, что она исполняла обязанности бухгалтера, а по совместительству еще и завхоза. Муж у нее был охотником, но погиб зимой пятьдесят первого года, сорвавшись в расщелину и сломав ногу во время промыслового похода. Оказать медицинскую помощь вовремя не успели, поэтому с похода он не вернулся. Детей у нее тоже не было, вот и оставалось только и коротать дни и ночи, ожидая подкрадывающейся старости. Такая себе жизнь, но разве был выбор?

В те годы, несмотря на наличие проблем, не принято было впадать в депрессии и горстями таблетки глотать. С любыми проблемами справлялись в лоб, по факту их появления. Это потом, уже в двадцать первом веке, чуть что – суицид. Особенно у братьев наших узкоглазых. Японцев, то есть.

Пока мы болтали, женщина быстро приготовила ужин – наварила картошки с маслом, открыла квашеную капусту и грибы. Нарезала сала. Поставила на стол бутылку с самогонкой. На удивление, та оказалась прозрачной, что означало качество продукта. Это только в «Деревне дураков» все самогонка у них была мутной, потому что технология производства была нарушена.

Выпили за знакомство, затем приступили к еде.

Честно говоря, я давно уже не пробовал такой вкусной картошечки. Да и капуста была что надо, так и хрустела на зубах, отдавая кисловатым привкусом. Сразу чувствуется женская рука – мы-то, мужики, все-таки иначе готовим, по-своему. И неважно, что самыми лучшими поварами по праву все-таки считаются мужчины.

Копченое сало тоже оказалось добротным, с прослойками. Да и самогонка была бодрой – самое то, для того, чтобы расслабиться после тяжелого рабочего дня. В Прокофьевке ее гнал местный «алхимик», и нужно признать, у него был к этому талант. Такой бы продукт, да на продажу. Эх...

В какой-то момент Алевтина поинтересовалась:

– Матвей Иванович, так чего вы странного в нашем лесу-то нашли?

– Есть тут у вас лощина одна, в низине... – начал я, но Иваныч остановил меня жестом.

– Лосиху мы нашли, мертвую. Поначалу подумали на людей, но не шибко похоже. В Соболевке в декабре жарко было, браконьеры буйствовали, а как им хвост прищемили, так они по району и разбежались. И наш бывший председатель тоже, представляешь?

– Тимофей Александрович? – ахнула женщина. – Вот уж новость. Если б кто другой сказал, не поверила бы.

– Дерьмо случается, – произнес я, понюхав шмат сала. – Вот мы и подумали, может, у вас тут эти товарищи объявлялись?

– Да нет, не было ничего такого.

Видно было, что егерь не хочет рассказывать ей всю правду. Так, вскользь упомянул про лосиху, а про кабанов ни слова. Ну, оно и понятно. Чего панику наводить? Да и не с женщиной нужно о таких вещах говорить.

– Вот мы и подумали, кто бы мог из хищников так зверя подрать?

– Может, рысь лютует? – нахмурилась та.

– Да черт там разберет...

Но я был уверен – рысь на такое не способна. Шутка ли, лосю ногу вместе с бедром оторвать?! Скорее всего, просто медведь откуда-то забрел.

Еще некоторое время поболтали, затем помогли хозяйке убрать со стола и начали готовиться к ночлегу.

Я думал, что спать нам придется на лавках или топчанах, но снова удивился. У Алевтины дома имелось аж две свободных кровати, с ватными матрасами и подушками.

– Откуда такое добро? – поинтересовался я.

– Ой, сама уже точно не помню. Кажется, стоят тут еще с довоенных времен, когда в Прокофьевке были свои охотники-промысловики. Но охота в этих землях была так себе, поэтому они дальше в тайгу и ушли. За Свердловск и выше.

– А что это вообще за дом?

– Раньше это был барак, но потом его перестроили. А что?

– Просто интересуюсь. А много жителей осталось в поселке?

– Тридцать девять. Прошлой осенью на три семьи меньше стало, в Кыштым переехали.

«Я бы тоже переехал», – вслух я этого, конечно же, не сказал, хотя очень хотелось, особенно после выпитой самогонки.

В итоге мы с Иванычем легли в одной комнате, а Алевтина, как хозяйка, в другой. Комнаты разделялись дверью, закрывать ее никто не стал.

Заснул я как убитый, едва только голова коснулась подушки. Снилось какая-то ерунда, сложно поддающаяся внятному описанию. Будто бы из той самой лощины, где мы мертвую лосиху обнаружили, лезет какая-то черная, неведомая ерунда... Брр, жуть!

Проснулся я почти в полной темноте – лишь на столе горела маленькая масляная лампа. Отсветы пламени безмятежно скакали по стенам и потолку.

Черт возьми, я проснулся не просто так – в подсознании буквально присутствовало стойкое ощущение того, что за мной кто-то наблюдает. Машинально схватился за лежащее рядом ружье.

Повертел головой по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. А спустя минуту тревожное ощущение пропало само собой. И все же, я не торопился расслабляться. Поднялся с кровати, подошел к столу, оглянулся на старика – тот спал, тихо похрапывая. За исключением храпа, в избе было тихо.

Я подошел к окну, выглянул наружу – кроме темноты там ничего не было. Я даже не мог понять, на что смотрю. Подошел к другому – та же самая картина.

Но видимо, в этот самый момент вышла луна и осветила Прокофьевку мертвенно-бледным светом. А вместе с этим...

Смутное предчувствие чего-то заставило меня обернуться. В окне напротив было чье-то лицо, прикрытое капюшоном.

И в этот самый момент, егерь громко всхрапнул, отчего я невольно вздрогнул и потерял визуальный контакт. Когда же я вновь посмотрел в окно, там уже никого не было.

Ну не могло же мне показаться?

Глава 3. Ситуация ухудшается

Я рывком устремился к входной двери, но на половине пути остановился. А смысл мне выходить наружу? Кто бы ни оказался с той стороны, он вовсе не намеревался попасть в дом, не пытался поговорить. Судя по всему, он вообще сбежал. И вряд ли в такой темноте, в незнакомой мне местности я кого-то найду. Так чего же мне дергаться?

И все же... Чуйка упорно гнула свое.

Ружье я положил обратно на стол, а сам «прошелся» по окнам. Дощатый пол под ногами предательски скрипел, отчего я каждый раз морщился. В почти полной тишине скрип казался оглушительным.

Луна вновь вышла из-за туч, но как я ни смотрел, больше ничего подозрительного на улице не заметил. Да и видимость так себе... Прокофьевка мирно спала. Черт возьми, может, все-таки почудилось?

В задумчивости, я неторопливо вернулся к своей кровати, прилег на подушку. Неприятное ощущение от увиденного слегка заглушилось, но никуда не делось. Заснул я минут через сорок, но до самого утра спал беспокойным сном, то и дело ворочаясь на жестком прохудившемся матрасе. Конечно, это совсем не ортопедическая «Аскона», ага...

Поднявшись с петухами, которых в поселке отродясь не было, я быстро оделся и вышел на улицу. Осмотрелся по сторонам, вдохнул полной грудью свежий воздух.

Затем направился к тому самому окну, где я видел неизвестное лицо. У стены, во влажной грязи заметил отпечатки ботинок – ну все, вот и простое доказательство того, что ночной «наблюдатель» был вполне реальным. Не зря же осадок не давал мне покоя. Что за странная ерунда? Кому это могло понадобиться?

В задумчивости потоптавшись у окна, я вернулся ко входу в дом и едва не столкнулся с Алевтиной.

– О, Женя! Ты тоже встал? А чего так рано?

– Я уже привычный. А где Иваныч? – я только сейчас увидел, что его кровать пустая. Сразу этого не заметил потому, так как казалось, будто под одеялом кто-то есть.

– Не знаю. Даже не слышала, как он ушел.

– Может, уже к председателю ушел?

– Без десяти семь? Да Егорович еще спит! – усмехнулась женщина.

– Хм, ну да... Алевтина Ивановна, я тут ночью проснулся и... В общем, заметил в окне чью-то голову, скрытую капюшоном. Вам это ни о чем не говорит?

Вопрос я задавал без всякой надежды на положительный ответ, но, к своему изумлению, я его все-таки получил. Причем предельно ясный.

– А! – она небрежно махнула рукой. – Это Федька. Сумасшедший. Живет на окраине поселка. Никто на него особого внимания не обращает.

– Ага... А он случайно не родственник Вязовскина? – небрежно пошутил я, вспомнив про слабоумного носильщика, которого медведь задрал.

– Какого еще Вязовскина? – подняла бровь Алевтина. – Нет, не знаю такого. А Федор человек безобидный, хоть и со своими причудами. Ну да, есть у него привычка дурная в чужие окна заглядывать. Чаще по темноте, когда все либо спать ложатся, либо уже спят.

– Даже так?! – поразился я, затем добавил: – И что, во всем поселке не нашлось никого, кто мог бы объяснить ему, что так делать нехорошо?

– Говорили с ним мужики. И били даже. Все без толку – не понимает, что жителям это не нравится. Да и не со зла он это вытворяет. Скорее всего, Федька вчера видел, как вы в поселок заходили, вот и заинтересовался, наверное.

Ясно, хрен его знает, что в больной голове может случиться. Может, травма у него какая-то была, вот и живет теперь, как может. Не стоит на этом заикливаться.

Поймал себя на мысли, что из-за ночного инцидента совсем забыл про странный сон. Я, правда, смутно запомнил.

– Завтракать будешь? – поинтересовалась женщина.

– Нет, наверное, нет. Во всяком случае, не сейчас. Хочу Иваныча отыскать и понять, куда это он в такую рань умотал. Должна же быть причина? А вообще, в последнее время он так частенько стал делать.

– Ясно. Если ты в сельсовет собрался, то без толку. Семен Егорович так рано не приходит. Он, скорее всего, еще спит и будет не раньше девяти. Обязанностей у него кот наплакал, за годы не только хватку, но и форму потерял.

И, честно говоря, в этом моменте я его понимал. Какой смысл вставать с утра пораньше, чтобы потом весь день просиживать задницу на стуле?

И в самом деле. Хотя я и плохо представлял себе работу председателя, все-таки было некоторое понимание. Подписывать бумажки – тяжелая ноша любого начальника, неважно какого уровня и в каком времени. Тьфу.

– И все равно, я прогуляюсь немного.

– Ну, как знаешь, – ответила Алевтина. – А я пока завтрак приготовлю. Как бухгалтер, я на работе уж точно еще часа три никому не понадобится. А заняться мне все равно нечем.

Я быстро оделся в свой охотничий костюм, взял ружье. Нацепил патронташ, шапку брать не стал – было относительно тепло. Вещевой мешок оставил в доме, вряд ли мне что-то из него понадобится. Я вышел из дома, выбрался на центральную улицу и осмотрелся в обе стороны. В такую рань на улице еще никого не было.

Погода сегодня была хорошей – небо голубое, солнышко блестит. Травки зеленеющей было пока мало, несмотря на вторую половину апреля.

– Черт возьми, Иваныч! Куда ж тебя черти понесли? – задумчиво пробормотал я, пытаюсь думать как егеря.

Первым делом решил проверить здание сельсовета – насколько я понял, там тоже ничего не закрывалось на замки, только на засовы. Идти было недалеко – всю Прокофьевку можно обойти за пять-семь минут.

Само собой, у здания администрации старика не было. Входная дверь ожидаемо закрыта на металлический засов. Это навело меня на мысль, что у егеря были какие-то иные намерения и из дома он ушел не сюда. Двинулся дальше по улице.

Пока брел, заметил у одного дома одинокого старика.

Недолго думая, подошел к нему и поздоровавшись, спросил, где находится дом егеря.

Тот прищурился, смерил меня недоверчивым взглядом.

– А ты чьих будешь? Что-то я тебя тут раньше не видел! – проскрипел он, глядя на меня как на фашиста.

– Громов я. Егеря из Соболевки соседней. Ученик Матвея Ивановича.

– Да? Что-то молод ты, для егеря! А дом вон он, с белой трубой на крыше, – проскрипел дед, указывая высохшим пальцем нужное мне направление. – Только нет сейчас Кузьмича. Уже две недели как по лесам и болотам бродит. А когда вернется, одному богу известно.

– Спасибо за помощь, – кивнул я и зашагал прочь.

Направившись точно к дому Кузьмича, я предполагал, что Иваныч будет там и не прогадал. Дом здешнего егеря стоял на окраине поселка, и входная дверь выходила в сторону леса. Перешагнув через ветхую ограду из разошедшихся жердей, я заглянул за угол дома и со спины увидел знакомый бушлат Матвея Ивановича. Он был не один.

– Иваныч?

Старик обернулся в мою сторону и хмыкнул.

– И ты тут как тут?! Ладно, сам научил, – проворчал егерь и указал на человека, которого я не сразу заметил. – Женька, знакомься, это Монгол! Охотник здешний. На национальность не смотри, все равно не угадаешь.

Я только сейчас увидел сидящего на пне мужика, лет сорока пяти, смешанной восточной наружности. На мгновение я подумал, что передо мной чукча. Но лишь на мгновение. Скорее всего, это был житель расположенного неподалеку Казахстана или Монголии, если ориентироваться на внешний вид. Одет он был в самодельный охотничий костюм с меховым воротником, явно сшитый своими руками. На голове легкая заячья шапка, в руках обычный мешок с пришитыми к нему широкими лямками, на поясе фляга с водой и патронташ. Ноги обуты в короткие меховые сапоги. А рядом у стены стояло очень древнее ружье, похожее на индейский самострел.

– А это ученик мой, Женька Громов! – произнес егерь, пока я таранился на охотника.

Тот поднялся, подошел поближе и протянул мне руку.

– Рад тебя видеть, Евгений, – со слабым акцентом произнес он. – Я охотник, из местных. Живу здесь уже пятый год, а до этого южнее был.

– Взаимно, – отозвался я, пожимая руку, затем вновь посмотрел на егеря. – Иваныч, ты опять за старое? Почему ничего не сказал, взял и ушел без предупреждения?

– Дело было одно, жаль, прогадал. Зато вот старого знакомого встретил и, как говорится, не зря. Монгол вчера тоже двух дохлых кабанов нашел, хотел об этом Кузьмичу рассказать, а тут я случайно подвернулся. В общем, как ты уже понял, не мы одни эти странности с дичью заметили.

– Оп-па... – пробормотал я. – А вот это уже закономерность. Как далеко?

– В полутора часах пути отсюда, к северу. Неподалеку от оленьей тропы, – ответил Монгол. – И что странно, никаких следов я не нашел. Только растерзанная туша. Даже не знаю, что могло причинить такие увечья матерому секачу... И сдается мне, что подобное случается каждую ночь и в разных местах.

– То есть, зверь не один? – уточнил я.

– Похоже на то, – тяжело вздохнул Матвей Иванович. – Даже не знаю, с чем же мы столкнулись. Нужно отыскать Кузьмича, а потом переговорить с председателем. Телеграфировать в Свердловск, сообщить обо всем главному охотоведу. Пусть принимают меры и присылают людей, пусть разбираются.

– Угу... Только вряд ли это поможет. Пока они отреагируют, пока примут меры, может целый месяц пройти, – насмешливо хмыкнул я. – Нет. Мне кажется, придется разбираться самим и поскорее. Чую, что-то нехорошее грядет.

– Ты о чем?

– Пока ни о чем, просто предчувствие какое-то нехорошее. Нужно понять, что искать и где. С чего начинать.

– Согласен, – кивнул Монгол. – Хорошо бы сначала понять, где и в каких районах происходят эти таинственные нападения. Составить карту. Быть может, это нам что-то даст.

– Иваныч, а где ты намерен егеря искать? – поинтересовался я. Сразу вспомнил тот период, когда меня браконьеры прижали и мы вместе с Федором искали зимовье Матвея Ивановича. Тогда у нас было хотя бы примерное направление, нас подгоняло осознание того, что нас преследуют отморозки. А сейчас все было иначе.

Пятидесятые годы – не было ни телефонов, ни навигаторов, ни интернета, только примитивные и не очень точные карты. Если нужный человек уходил в леса, попробуй-ка потом его там отыщи. Вот так, не дай бог что случится, так и помочь некому будет. Многие промысловики потому и предпочитали ходить парами-тройками, чтоб в случае чего, помощь друг другу оказать или эвакуировать, если все будет совсем плохо.

– У каждого охотника, что вышел на обход, есть две-три точки, на которые он периодически возвращается, – произнес Монгол. – На таких точках строится зимовье или землянка. Думаю, я знаю, в какой стороне искать Степана Кузьмича.

– Тогда чего мы ждем? – поинтересовался я. – Предлагаю позавтракать и выдвигаться! Чем скорее найдем егеря, тем быстрее пойдем с чего начать. Вдруг Кузьмич уже что-то знает?

– Толковая мысль. Тогда, давайте так поступим. Вы собирайтесь, а я вас на окраине подожду! – заметил охотник. – У меня дело еще одно есть.

– Встречаемся через полчаса на перепутье, на той тропе, что у ржавого ЗИСа, – напомнил егерь.

– Добро! – кивнул Монгол. И не дожидаясь подтверждения, поднялся и направился к покосившемуся сараю. Мгновение и он словно исчез. Оказалось, что между сооружениями был небольшой проход.

– Ушел в Нарнию! – пробурчал я.

– Чего?

– А, ничего. Идем к Алевтине. Она как раз обещала завтрак приготовить, а у меня уже желудок урчит.

– Я не удивлен. Тебя ночью подними и предложи поесть, так ты ж не откажешься!

– Ну а что, молодой активный организм, – усмехнулся я. – А с тебя-то что взять? Анализы, и те плохие!

За шутку получил подзатыльник, но так, чисто в показательных целях. За время, что я уже провел со старым егерем, мы научились понимать друг друга.

Подходя к дому Алевтины, я учуял вкусный аромат.

Честно говоря, я еще вчера заметил, что женщина слишком уж хлопочет, стараясь обслужить нас со всех сторон... И ужин, и ночлег, теперь вот завтрак. Ради чего она старается? Матвей Иванович для нее слишком стар, а я, наоборот, молод. Поинтересовался на этот счет у старика.

Тот рассмеялся.

– Ну ты вот вроде умный парень, а простой истины не понимаешь. Да для нее наш приход, это чуть ли не праздник. Гости мы, пусть и свалились, как снег на голову. В Прокофьевке месяцами ничего интересного не происходит. Себя в первые дни вспомни.

И верно. Здесь каждый день полностью похож на предыдущий. Что вторник, что воскресенье – все одно. Нет тут будних дней, нет выходных. Как получается, так оно и идет своим чередом. Со скуки помереть можно.

Хорошо помню свои первые дни в Соболевке – тоже места не находил. Пока погода была плохой, приходилось сидеть в доме и единственное развлечение, что я себе нашел, это читать книги. Их было немного, благо у Ларисы Ивановны, бывшей супруги Федора, имелась крохотная домашняя библиотека. Не думал я, что в Союзе пятидесятых годов люди хранили книги. Вот в восьмидесятых или девяностых, это пожалуйста. В каждой семье можно было встретить книжный шкаф, забитый пылящими книгами, которые были давно прочитаны, и вновь ждали своего часа.

Алевтина приготовила жареную картошку с яйцом и шкварками. Получилось особенно вкусно, потому что в последние месяцы мы с Иванычем особо себя не баловали. Я уже какую неделю порывался пожарить авторский шашлык, но вечно что-то мешало. То мяса не было, то шампуров не хватало, то погода подводила.

Быстро позавтракав, мы выпили по кружке чая.

Он у хозяйки был вкусный, но совсем не чета тем, что ранее хранил у себя егерь. Жаль, что при том пожаре, что устроил Уткин, все сгорело к чертям. Абсолютно все. Больше всего я скорбел о деньгах и медалях, что сгорели.

Мы пополнили запас провизии сухарями и вяленой рыбой. Наполнили фляжки доверху.

– Сколько нам идти до зимовья? – поинтересовался я.

– Думаю, часа за четыре доберемся, – ответил Иваныч, надевая рюкзак за спину. – Хотя я плохо знаю. Вот Монгол нас и ответит – он тут каждую посадку знает. Ну что, готов?

Попрощавшись с Алевтиной, мы оставили через нее просьбу – передать председателю, чтобы при появлении Кузьмича, никуда его не отпускал. Вдруг разминёмся?

Погода стояла хорошая, на часах была половина десятого утра. Солнышко уже начало пригревать, температура держалась в районе плюс десяти градусов. Так как это было редколесье, идти было несложно.

Я отметил, что практически весь снег уже растаял, лишь кое-где, в низинах, еще оставались едва заметные кучки грязного снега. Едва подошли к ориентиру, заметили впереди Монгола – тот кормил белку сухими ягодами.

– Вы как раз вовремя! – ответил тот, скормив последние ягоды. – Ну что, готовы?

Выдвинулись вслед за охотником.

Дорога была простой, так как проводник старательно обходил сложные места, вроде болот, оставшихся после таяния снегов и разлившихся рек.

До зимовья добрались через полтора часа. По пути не встретили ничего странного, да и животные никакой не было. Лишь в одной посадке разглядели одинокую лису.

Избушка Кузьмича была старой, построенной еще до войны. Про оснащенности она и в подметки не годилась той, где я организовал браконьерам теплый прием.

– Эй, Кузьмич! – гаркнул Матвей Иванович. – Ты здесь?

Но в ответ доносилась лишь тишина.

По пути я обратил внимание, что один из капканов был сработан – зазубрины были в засохшей темной крови. Видать, кто-то попался недавно, но сумел сбежать.

Подошли ближе, осмотрелись.

– Погодите, а дым из трубы идет. Хоть и слабый! – прищурившись, заметил Монгол. – Если его сейчас нет, значит, подождем.

Мы разбрелись по небольшой полянке. Благо бродить можно было где угодно, главное – под ноги смотреть и на «подарок» не наткнуться.

– Кузьмич! Ты там? – снова крикнул егерь. – Выходи, дело есть!

Я шел впереди и заметил, что входная дверь сломана. На досках были следы когтей, на полу рассыпана светлая земля. Смутное чувство закралось в мою голову – а что если...

– Тут было весело! – хмыкнул Монгол, оглядывая дом. – И на ставнях тоже отметины. Будто медведь когтями порвал бы...

Егерь рывком дернул на себя дверь, затем вытащил нож, аккуратно поддел им засов с той стороны и через щель сдвинул в сторону. Через секунду дверь распахнулась... Иваныч зашел внутрь и громкий возглас дал нам понять, что не зря мы волновались.

– Черт возьми! Это же Кузьмич, – поразился Матвей Иванович.

И верно, на входе, с почти пустой бутылочкой в руке, прямо на полу сидел бледный, как мел, егерь. На лице застыла жуткая гримаса, как будто он чего-то сильно испугался. Рядом разряженное ружье, осколки стекла на полу.

– Э-э, да тут все очевидно, – качнув головой, вздохнул Монгол. – Помер наш егерь. От разрыва сердца...

Глава 4. Рабочая версия

Мне хватило простого осмотра, чтобы понять – смерть наступила около суток назад, возможно, прошлой ночью. Никаких видимых ран на нем не было, крови тоже.

– Что за чертовщина? – тихо пробормотал Иваныч, сняв шапку и вытирая вспотевший лоб. – Что могло его так напугать?

Ответа не было.

Мы просто стояли и тарасились то на распростертое тело, то друг на друга. Наконец, слово взял Монгол.

– Кузьмич – бывалый охотник, на кого он только не охотился. Я и не знал, что можно до смерти напугать кого-то. Хотя, возраст...

– Сколько ему было? Шестидесят пять? Семьдесят?

– Шестидесят шесть, – ответил егерь. – Войну прошел, половину жизни в лесах провел. Зверя столько видел, сколько ты, Женька, и представить себе не можешь. Волков перестрелял немерено... На медведя ходил не раз. Уж я знаю, о чем говорю, сам не namного моложе.

С его слов было понятно, что заслуг у Кузьмича действительно выше крыши. Вот только для него самого, скорее всего, это не имело абсолютно никакого значения.

Я подошел ближе, наклонился и осторожно вынув из окоченевших рук старика пустую бутылку, понюхал горлышко.

– Спирт! Он что, пил?

– Нервы в порядок приводил? – предположил старик.

Простого осмотра внутреннего пространства избы хватило, чтобы понять – Степан Кузьмич не просто помер, безвылазно сидя внутри. Он явно пытался забаррикадировать оба окна и дверь, используя подручные средства. Ставни были завалены шкурами и скарбом, а рядом с дверью лежали разбросанные дрова. По имеющимся отверстиям и выбоинам, стало понятно – он от кого-то отстреливался, при этом использовав весь имеющийся боезапас. И судя по всему, старик провел в зимовье не одну ночь.

И никакого объяснения этому не было...

– Ума не приложу, что могло настолько сильно его напугать, что он забаррикадировался в доме? – повторил свой вопрос егерь. – И вам не кажется, будто бы он боялся выйти наружу?

– Кстати... Почти вся вода выпита, еда съедена. Даже нужник в углу имелся, а это говорит о том, что Кузьмич несколько дней не мог выйти наружу. Или не хотел. Или его не выпускали!

Мы переглянулись. Сильное заявление.

– Все так. Съестных припасов почти нет, – подтвердил Монгол, указывая на стол. – В зимовье всегда должен быть запас еды на три-пять дней, как минимум. А здесь почти пусто. Хотя его вещевого мешка я не вижу.

На обеденном столе действительно стояло несколько пустых консервных банок, валялась грязная алюминиевая вилка и недоеденный кусочек вяленого мяса, крошки от сухарей. Фляга для воды оказалась пустой и лежала на полу, а отдельное ведро для питьевой воды, почему-то было перевернуто. А в дальнем углу действительно было что-то вроде временного нужника.

Я невольно вздрогнул. Даже представить страшно, что испытывал старик, последние дни находясь в творящемся кошмаре... Мистика какая-то.

В общем-то, все так или иначе говорило о том, что старого егеря загнали в дом... Организм у него уже совсем не тот, что в молодости, эмоции зашкалили, вот сердце и не выдержало. Но, черт возьми, до какой же степени нужно было напугать человека?

– Почему у него на ноге только один сапог? – спросил я. – Где второй? И где может быть его вещевого мешок?

И верно, ни того, ни другого нигде не было. Как будто Степан Кузьмич спасался бегством и потеряв их, вбежал в дом уже в таком виде.

– Говорю же, нечистая сила объявилась в лесу! – уверенно заявил Иваныч, поежившись, словно от холода. – Сначала кабаны разодранные, потом лосиха. Теперь это.

– Так, стоп. Осади коней, Иваныч! – повысив голос, возразил я. – Не факт, что все это как-то взаимосвязано. По крайней мере, уж смерть егеря точно!

Старик пробурчал что-то невнятное.

– Взгляните на дверь, – заметил Монгол, осматривая засов. – Ее пытались ломать, одна из петель частично вырвана с гвоздями, щепки торчат. Кузьмич несколько раз в нее стрелял. И ставни... Они все подраны. Нет, ну можно, конечно, и ножом так покарять, но зачем?

На это ни у кого ответа не было.

– Давайте мыслить рационально! – я взял инициативу на себя. – Иваныч, что за хищник может обитать в этих землях, у которого есть когти?

– Медведь. Рысь, – помедлив, ответил тот. – Но ни один из них не стал бы ломиться в дом, особенно, если там вооруженный человек. Кузьмич без раздумий стрелял во все подряд, любой зверь убрался бы куда подальше.

– А он мог быть заражен бешенством?

– Кто? Кузьмич? – не понял старик.

– Тьфу ты. Зверь!

– Мог, – в один голос отозвались Монгол с Иванычем. – Хотя и маловероятно.

– Так, раз есть следы когтей, значит, волк из подозреваемых исключается? – уточнил я.

– Да йопта... Ну, какой волк? Считаю, что это вообще был не зверь, – возмутился егерь. Кажется, он не на шутку струхнул, что меня удивило. – Я никогда не видел, чтобы зверь так настойчиво пытался вломиться в зимовье!

– А какие признаки бешенства? – продолжил я.

– Ну... Зверь с бешенством вообще ничего и никого не боится, у него напрочь заглушен инстинкт самосохранения. В разы повышена агрессивность. Бросается на все живое. Еще пена у рта, шкура выглядит так, будто зверь линяет. Глаза навывкате.

– Значит, будем отталкиваться от того, что это мог быть какой-нибудь бешеный медведь! Остальные восприняли мою версию скептически.

Старик недовольно покачал головой.

Я подошел, поднял валяющееся на полу ружье. Естественно, оно было разряжено. Вокруг лежали стреляные картонные гильзы. Отыскал патронташ – тот был пуст. Обратил внимание, что Кузьмич стрелял не только в дверь, но еще по ставням и стенам. Черт возьми, старик что, выстрелял весь боезапас в никуда? Просто неистово, на эмоциях, стрелял во все стороны? У него что, крыша поехала?

Бред какой-то.

– Я это... Пойду, снаружи посмотрю, есть ли там какие-нибудь следы! – задумчиво пробормотал охотник и вышел из избы.

Матвей Иванович тяжело вздохнул, опустился на кривую табуретку. С тоской посмотрел на своего покойного коллегу.

– Черт возьми, Кузьмич! – тихо пробормотал он. – Ну как же так вышло?

Я не стал вмешиваться, по выражению лица Иваныча все было понятно. Он мужик жесткий, хоть и в возрасте уже приличном. Смелости ему не занимать, такого человека в трусости не обвинишь. Будучи безоружным, Матвей Иванович как-то отбил от волчьей стаи и выжил. В одиночку повел за собой разъяренную медведицу... Войну прошел. Он отличался паразитической выносливостью и твердым внутренним стержнем. Он толково рассуждает по многим вопросам, однако случившееся все-таки выбило его из колеи. И как ни крути, а у каждого

человека, даже самого сильного, непременно есть слабое место. Вера в нечистую силу – это отдельный бзик...

– Эй, Женя! Сюда! – послышался голос снаружи.

Выбравшись из зимовья, справа от входа я увидел Монгола, склонившегося неподалеку от окна.

– Что там?

– Гляди! – охотник указал на лежащий в сухой траве захлопнувшийся капкан. Он был на длинной стальной цепи, массивной скобой приколоченной к бревну в основании избы. Кромки зубьев вымазаны в темной, уже подсохшей крови.

– Оп-па! Значит, кто-то попался? – спросил я.

– Угу. И вырвался. Жаль, капкан не медвежий. Скорее всего, Кузьмич его тут просто забыл, а тот взял, да и сработал.

Мне в голову пришла иная мысль.

– Так, может, потому зверь и вертелся здесь, что уйти не мог? А сбитый с толку егерь боялся выйти наружу, потому что думал, что его стерегут?

– Хм, возможно, и так. Получается, что это не Кузьмича не выпускали из дома, а он сам не желал выходить, не понимая, что происходит снаружи... Цепь довольно длинная, повсюду разрытые следы... Зверь метался и пытался вырваться, а Кузьмич воспринял это по-своему.

– Ну да. Кто бы это ни был, он понимал, что внутри человек, но не факт, что действительно пытался проникнуть внутрь.

– Ага, по ней понятно, что не пытался, – хмыкнул я, кивнув на дверь. – Нет, что-то тут не то.

– Не знаю... – задумчиво произнес Монгол, подбирая подходящие слова. – Смахивает, как будто бы зверь не просто хотел вырваться, он намеревался попасть внутрь. Что это, месть? Слепая ярость? Он не сразу отыскал дверь. Сначала начал со стен, потом дошел до окон и только после этого взялся за дверь. Следов полно.

– Тогда это точно не человек, – почесал затылок Монгол. – Человек не станет ломиться в окно, через которое не сможет пролезть. Зверь, сильный и коварный...

– Медведь?

– Может, и медведь, – кивнул охотник. – Только какой-то он слишком умный получается! Повисла напряженная пауза. Каждый думал о своем, перебирая варианты.

– А, может, йети? – невесело усмехнулся я.

– Чего?

– Ну, йети. Снежный человек, слышал про таких?

– Слышал, конечно. Я же целый год в Челябинске жил. В библиотеку ходил. Глупости все это. Не бывает в природе таких животных, – качнул головой Монгол. – В газете читал, там какой-то умный человек из Москвы целую научную статью написал. Вот в Европе или Америке – да, там может быть и есть. А у нас ему откуда взяться-то?

Я мысленно усмехнулся – охотник наивно полагает, что если человек из Москвы, то он непременно должен быть умным? Впрочем, может какой-нибудь столичный профессор и впрямь написал нечто подобное, а потом статья как-то до этих краев и добралась.

Версия с браконьерами незаметно отошла на задний план. Слишком много моментов шли вразрез с этой версией. Безусловно, было бы очень удобно спихнуть всю вину на этих отбросов охотничьего общества. Типа решили оторваться на всю катушку и начали бесчинствовать. Да только пока никаких следов их пребывания в этом районе мы не увидели. И все же, не стоило их сбрасывать со счетов.

Честно говоря, в какой-то момент, я действительно подумал о существовании снежного человека. Ну, серьезно, пусть вокруг и не глухая тайга, но дебрей предостаточно. Мало ли что может обитать там, где не ступала нога человека? Даже если просто чисто теоретически

допустить – вполне подходит под описание. Разодрать кабана и лося, вырвать целый окорок – нужна внушительная сила, причем немалая. Мы замечали следы немногим крупнее человеческих, пусть и очень нечеткие. И теперь вот ситуация с зимовьем. Попавшийся в капкан снежный человек мог не знать, как попасть внутрь, а потому и ломился со всех сторон. Если дело было в темноте, то Кузьмич, палил во все стороны, а затем не выдержал и помер. Ну, чем не рабочая версия?

А тем, что даже в моем времени было доказано – йети не существует. Ну или его все еще просто еще не нашли.

И все же, почему старик несколько дней сидел в избе, опасаясь выходить наружу? У него было ружье, должны были быть патроны с картечью. Да одного выстрела вполне хватило бы для того, чтобы пристрелить этого самого йети. А между тем, он этого не сделал. Да и снаружи кровь была только на капкане...

Еще у меня была «кривая» версия, что кто-то просто упорно пытается нагнать жути и зачем-то творит странные вещи. Если отталкиваться от этого, то какой смысл исполнять подобное? Для чего? Получить острые ощущения, потешить самолюбие? Припугнуть местных жителей? Или же и впрямь нечистая сила объявилась? Мистика...

Тьфу, кажется, я вообще не в том направлении выдвинулся.

– Ну? Что вы там нашли? – на пороге показался бледный Матвей Иванович. Кажется, его немного отпустило.

– Да ничего особенного, – отозвался я. – Отпечатки. Кто бы это ни был, он попался в капкан, но сумел вырваться из него. Есть кровь. Значит, Матвей Иванович, никакая это не нечистая сила. У чертей, наверное, и крови нет. К тому же, вон следы от когтей на ставнях. В общем, мы считаем, что это зверь, возможно, медведь. Ну сам подумай, зачем кому-то бродить по лесу и пугать старых лесников и рвать на части диких животных?

– Э-э... – проворчал старик и отмахнулся.

– Ну и что будем делать дальше?

– Хм... Может быть, стоит хорошенько осмотреть здесь все? – предложил Монгол, присев на корточки. – Пройтись по ближайшим окрестностям.

– Идея, может, и неплохая, но вряд ли мы что-то найдем. Тут повсюду сплошные сухие листья и трава, с утра дует ветер. Если что-то и могло быть, мы этого попросту не увидим, все листьями занесло. Да и где искать? Здесь огромное пространство...

– И все же, давайте осмотримся?

– Вы идите, а я начну могилку копать! – после небольшой паузы, заявил Иваныч. – Нужно похоронить Кузьмича. У него ведь и нет никого. Да и тащить его до поселка глупо.

Мы переглянулись. Действительно, со всеми этими расследованиями забыли про самое главное. Старому егерю наверняка хотелось бы, чтобы его похоронили в лесу. К чему ему кладбище?

На том и решили. Иваныч пошел в избу искать землеройный инструмент, а мы с Монголом разбрелись в разные стороны. Порыскав минут двадцать, нашли только потерянный сапог Кузьмича.

– До избы метров семьдесят... – нахмурился охотник, навскидку определяя расстояние от кромки леса до зимовья.

Я невольно подумал, что, несмотря на солидный возраст, по своему состоянию здоровья старый егеря вполне мог перейти на бег. Даже с одним сапогом. Уж на небольшие дистанции, да под воздействием страха и адреналина – вполне себе возможный ход событий.

– С северо-запада, вроде. Оттуда! – я примерно прикинул, откуда мог выбежать на открытое место погибший егеря Прокофьевки. Честно говоря, наиболее вероятных направлений было всего два.

Либо вдоль кустов терновника, через заросли молодых деревьев, либо левее, из-за скопления поваленных стволов и росших там елей. Далеко за ними располагался холм, с выходами скальных пород. С другой стороны этого холма, в километре, находилась та самая лощина, где мы с Матвеем Ивановичем обнаружили лосиху.

Сначала выдвинулись к зарослям терновника, но пройдя около двухсот метров, не обнаружили никаких следов. По итогу мы вернулись обратно и двинулись по другому маршруту.

– Монгол, а имя-то у тебя есть? – между делом поинтересовался я.

– Есть. Но оно слишком длинное. Да и я привык уже, все так и кличут. А почему ты решил место Иваныча занять?

– Это не я решил. Это он сам подсуетился. Со здоровьем хуже стало, да и возраст уже... Вот он мою кандидатуру председателю и предложил. Ну а поскольку я успел в одном хорошем деле засветиться, то меня сразу же и утвердили.

– А что за дело?

Пока я вкратце рассказывал ему о той истории с медведицей и отношениях с браконьерской шайкой Снегирева, случайно наткнулись на примятую траву и брошенную шапку.

Я поднял ее, повертел в руках. Вопросительно взглянул на охотника.

– Узнаешь?

– Это Кузьмича! – уверенно заявил Монгол. – Он ее сам сшил прошлой зимой.

– Значит, мы на верном пути.

Примятая сухая трава выглядела так, как будто на ней кто-то лежал. Например, при падении. Это как бы еще ни о чем не говорило, но наводило на некоторые мысли. Мы тут вообще не детективы, да только и разбираться-то тут больше и некому.

Пройдя вперед еще несколько шагов, увидели сломанные ветки, а под ними варежку.

Тропинки как таковой здесь не было, можно было только представить ее мысленно. Еще через несколько минут мы наткнулись на тушу молодого кабана, с теми же признаками, что и раньше. Лежал он тут давно, уже успел стухнуть. Характерный запах чувствовался издалека.

Метрах в трех от останков кабана лежал вещевой мешок с оторванной лямкой. Глядя на это, несложно было воссоздать в голове картину происходящего здесь в то время.

Судя по всему, уже в вечернее время Кузьмич совершал обычный обход, когда наткнулся на кабана. Принялся осматривать и тут на него самого напали. Порвали лямку вещмешка. Старик выстрелил и рванул прочь, но его преследовали. Он упал, потерял шапку, но сумел подняться и продолжить бег. Возможно, отстреливался. Затем потерял сапог, но успел запереться в избе. А дальше тот, кто на него напал, случайно попался в капкан и на протяжении суток, а может, двух и даже трех, вертелся вокруг дома, не в силах вырваться. Но вместе с тем, продолжал попытки достать засевшего внутри человека. Паникуя, тот выстрелял весь боезапас, а потом вдруг подвело сердце...

Именно это я и озвучил Монголу. Тот удовлетворительно кивнул.

В вещмешке мы нашли вторую флягу с водой, немного патронов, запасные портянки и нож. Еще было вяленое мясо, порезанное на тонкие ломти и завернутое в газету, сухари.

– Гляди, сколько лежит, а провизию никто не тронул.

– Значит, либо зверь не голоден, либо запах вяленого мяса ему не по вкусу. – отметил я.

Больше на поляне ничего не было. Откуда и куда шел Кузьмич, также было неясно, откуда появился зверь – тоже.

Потоптавшись, двинулись в обратном направлении. Когда вернулись к Матвею Ивановичу, обнаружили, что тот, вооружившись киркой, оставаясь только в штанах и нательной рубашке, долбал еще не оттаявшую толком землю. В целом, получалось неплохо.

Общими усилиями, за пару часов, в пяти метрах от дома мы все-таки выкопали неровную могилку, глубиной чуть больше полуметра, перенесли тело покойного и, помянув его последним словом, закопали. Монгол топориком выстругал и сколотил крест.

Пока шла работа, я изложил свои наблюдения и предположения Иванычу. Тот уже немного отошел и не твердил как заведенный про нечистую силу. Версия со зверем была принята как официальная и то, только моими усилиями.

Собрав вещи, мы закрыли зимовье и двинулись по обратному маршруту к поселку. Вообще, время близилось к четырем часам, а до Прокофьевки путь неблизкий. Но и оставаться в избе, где несколько дней пролежал мертвец, как-то не хотелось. К тому же и кровать там была только одна.

Часа за полтора мы прошли значительное расстояние, вышли из леса и тут внезапно Монгол поднял руку и остановился как вкопанный. От неожиданности, я даже натолкнулся на его спину.

– В чем дело?

– Тихо! – охотник медленно опустил на присядки. – Дайте бинокль!

Помедлив, я протянул ему оптику.

Несколько секунд тот смотрел куда-то на юго-восток, затем шумно выдохнул и протянул его обратно.

– На шесть часов видишь?

Я отыскал нужный сектор и уже через несколько секунд разглядел там небольшое семейство кабанов, всего из трех особей. Поначалу подумал, что рядом с ними был кто-то еще, возможно, тот самый зверь, что бесчинствует в округе, но ничего подозрительного не заметил.

– Ну, кабаны, – недоуменно спросил я. – И что?

– А знаете... Предлагаю организовать засаду и посмотреть. Брать на живца, так сказать. Если чуйка меня не обманывает, и нам повезет, быть может, увидим, кто это объявил охоту на кабанов?

– Хм, а это толковое замечание, – крякнул егерь. – Только как ты намерен это сделать?

– Есть одна идея, – краем губ усмехнулся Монгол. – Только вот, как бы нам не повторить судьбу Кузьмича? Предлагаю либо развести большой костер и всю ночь сидеть на дозоре, либо влезть на деревья. У вас ведь гамаки с собой?

Глава 5. Ночная охота

Место для наблюдения мы выбирали долго.

Егер с Монголом чуть не подрались, отстаивая свои позиции. В итоге остановились неподалеку от болотистого участка, с запахом тины. Собственно, рядом с ним и паслось кабанье семейство.

Крупный лохматый самец держался чуть в стороне, а свинья с двумя детенышами делили все поровну. Будучи знакомыми с повадками и поведением диких кабанов, Иваныч с охотником тщательно подошли к решению вопроса. И, в общем-то, не ошиблись с местом – встали против ветра так, чтобы наш запах летел в противоположную сторону.

Леса как такового здесь уже не было. Скорее, крупные, разрозненные между собой посадки, разделенные полянами, просеками и болотистыми участками. Мы расположились на опушке, между стволами двух сосен и ясеня.

Днем вопреки чаще спят или ведут малоподвижный образ жизни, а вот ночью они активны и отправляются искать себе пропитание. Зрение у кабанов плохое, особенно вблизи. Зато обоняние, на которое они больше всего и полагаются, прокачано чуть ли не на максимум. Чтобы определить, откуда дует ветер, человек смотрит на флюгер или использует намоченный палец. А вот у вепря эта функция предусмотрена «заводской сборкой». То есть мокрым пятком. Учув запах опасности, тот мигом либо переходит в режим активной обороны, либо убегает.

– Уже темнеет, – заметил Монгол, посмотрев на небо, когда мы растянули гамаки между деревьев. Высота оптимальная – три с лишним метра. Общим мнением решили, что ночевать на земле не только не безопасно, но еще и нецелесообразно. Если разводить большой костер, звери непременно испугаются и уйдут. Толку от такого наблюдения? А становиться приманкой самим в наши планы совсем не входило.

Все лишнее оставили внизу, подвесив на крючки. Наверх залезли только в теплой одежде и с ружьями в руках. Гамаки у нас совсем не такие, какие на пикниках используются. Они шире раза в полтора, длиннее и куда прочнее. Фиксируются в трех, а то и четырех точках для надежности. Это местное изобретение, которое мне показал Иванович.

– Ну и хорошо. Надеюсь, все это не зря, – пробурчал я, проверяя свой патронташ. – Правда, не думаю, что мы тут вообще что-то увидим!

Нам предстояло ни много, ни мало – просидеть всю ночь на одном месте, причем так, чтобы не привлекать внимание самих кабанов. И как оказалось, им до нас никакого дела не было – расстояние в сто с лишним метров самое то. Ветер относил наши запахи в сторону, шума мы почти не издавали. Опять же погода была на руку. Ветер шумел в камышах, создавая естественный фон.

– Ветер на нашей стороне, – тихо отозвался Монгол, определив его направление. – Они нас не почуют. Достаточно просто лежать и наблюдать. Только вот как спать? Нужно организовать дежурство, по два-три часа.

Конечно, пролежать несколько часов кряду, в неудобной позе и с оружием в руках – такое себе удовольствие. Но куда деваться?

Осмотрев этот участок в бинокль, Монгол выбрал наиболее удачное место – все-таки знакомые для него земли. Мы пришли к выводу, что на северо-западе образовалась своего рода «подкова» – относительно чистый участок земли, дальше начиналось вытянутое болото. Именно посреди подковы и обосновались обладатели пятaków. Получается, что если «охотник на кабанов» решится прийти сюда, он может оказаться прямо под нами или в непосредственной близости. Либо, как вариант, прийти с востока, но там открытое место, практически без зарослей.

Разводить костер мы тоже не стали. Поужинали холодными консервами.

Честно говоря, первое время после моего перерождения в этом времени, такая скудная еда меня жутко раздражала. И хотя физиологически желудок спокойно ее переваривал, современное сознание понимало, что жить на консервах и вяленом мясе на постоянной основе нельзя. Желудок за такое спасибо не скажет, особенно лет через десять-пятнадцать. Само собой, в прошлой жизни, как опытный военный, я привык употреблять все, что подлежит перевариванию, но даже несмотря на это, свыкся не сразу.

Закончив скудный ужин, с наступлением темноты мы влезли в гамаки, не забыв проверить и подготовить оружие. Вполне возможно, что мы увидим того, кто бесчинствует по ночам, отрывая задние лапы диким вепрям.

Монгол, расположившись справа от меня, тихо напевал себе под нос какую-то песенку на своем родном языке. Я поначалу слушал и пытался разобрать, о чем она, но это дело мне быстро надоело.

– Иваныч? – громким шепотом позвал я старика, спустя какое-то время.

– Что?

– А как мы пойдем, что они еще здесь? – поинтересовался я.

– Кто?

– Кабаны.

– У них глаза в темноте слегка светятся! – помедлив, усмехнулся егерь.

Правда, сколько я ни всматривался, так и не заметил, чтобы у вепрей что-то светилось. Счел, что Матвей Иванович просто пошутил. Благо наступило полнолуние, небо было свободным от туч и, в целом, видимость была нормальной. По крайней мере, на фоне болота, с помощью бинокля туши кабанов различить было можно. Неудобно, сложно, но куда деваться?

Разделили время дежурства. Первым спать должен был я.

Периодически посматривая на часы, я перебирал в голове варианты развития событий. Честно говоря, был уверен, что задумка бесполезная и ничего мы не увидим.

На десяти тридцати вырубился. Все-таки день был насыщенным, пришлось хорошо поработать и ногами, и головой.

Проснулся я чуть ли не моментально – казалось, не спал вовсе, а просто закрыл-открыл глаза. Проморгался. Тут же чиркнул спичкой, посмотрел на циферблат часов.

Так, двенадцать двадцать. Я проспал чуть больше полутора часов.

Вокруг тишина. Темно, но я обратил внимание, что лунный свет все-таки неплохо освещал окраину леса и прилегающую территорию. Глаза постепенно привыкали к такому освещению. Я огляделся по сторонам. Лежащий неподалеку Монгол бодрствовал, а егерь, обнявшись со своим ружьем, спал в неестественной скрюченной позе.

– Ну что? – прошептал я. – Тишина?

– Порядок. Звери на месте, хрюкают. Пару раз приближались к нам, но дальше не пошли. Что-то заподозрили и отошли обратно.

Монгол снова поднял бинокль к глазам. Несколько секунд искал их, потом удовлетворенно кивнул и перекинул оптику мне – благо расстояние между гамаками было чуть больше метра.

В свою очередь, я тоже убедился, что семейство по-прежнему топчется в том месте, сместившись метров на сто левее. Все четверо были на месте, по крайней мере, в лунном свете можно было различить темные лохматые пятна.

– И что, они вот так всю ночь будут шататься?

– Ну не всю. Ближе к утру залягут в гнездо.

Я уже знал, что в холодное время года кабаны делают что-то вроде лежищ из травы и веток. Их за глаза называли гнездами. Днем, особенно в зимнее время года, они отсыпаются, а ближе к вечеру снова отправляются искать пропитание.

Вытащив из кармана сухарь, я сунул его в рот. Хрустеть не стал, в тишине это за сотню метров будет слышно. Принялся рассасывать его как беззубый старик. Невольно заметил, что так вкуснее.

Примерно минут двадцать было тихо. Хотел тихо расспросить охотника о жизни в этих краях, но передумал. Слишком много шума будет.

Наконец, спустя еще какое-то время Монгол зевнул и поинтересовался:

– Жень, ты как себя чувствуешь?

– Нормально. Хочешь покемарить?

– Ну.

– Давай. Я посмотрю. А потом очередь Иваныча.

– Вот спасибо, – тот улегся поудобнее и затих. А я весь обратился в слух.

Где-то недалеко справа кричала ночная выпь – ее ни с какой другой птицей не спутаешь. Я уже не раз отмечал, что в памяти всплывают некоторые моменты, о которых я ранее не знал. Поначалу не понимал, как на них реагировать, но довольно быстро свыкся. Объяснение этому факту было простым – после перерождения произошло не только смешивание подсознаний, но и памяти. Вот периодически и всплывали отдельные моменты.

Лежать в одной позе было жутко неудобно. Кто пробовал спать в гамаке длительное время, то сразу поймет, о чем я говорю. Приподнялся и сел на пятую точку, положил на колени ружье.

Осмотрелся. Вокруг ни души, если не считать Иваныча и Монгола.

Посмотрел вниз – высота метра три, может, чуть больше. Гамак едва заметно покачивался на легком ветру. Поскрипывали веревки.

Пахло сыростью, тиной и прохладой – сказывалась близость болота. Судя по ощущениям, температура где-то плюс пять, может, чуть больше. Я снял капюшон, чтобы лучше слышать все, что происходит вокруг. Прислушавшись, различил далекое похрюкивание – довольно смешной звук. Что они там в корнях искали?

Взял бинокль, снова посмотрел на кабанов. Те по-прежнему рылись пятаками в земле. По крайней мере, так мне казалось. Хоть луна и была полной, света все равно не хватало.

Чтобы не заснуть, сунул в рот второй сухарь.

Это хороший способ не заснуть, особенно у охранников и дальнобойщиков. Пока рот занят, сон вроде как не идет. Но опять же, зависит от степени усталости.

Так я просидел минут сорок, пока спина не затекла. Решил поменять позу, и вдруг внутренняя чуйка зазвенела. Ощутил это более чем хорошо. Такое бывает – вроде все нормально, но в какой-то момент понимаешь – что-то не так. Вот и я сейчас напрягся.

Обнаружил, что выпь перестала кричать. Ветер поутих. Посторонние фоновые шумы тоже словно бы растворились в тишине. Перемена была так разительна, что у меня по спине мурашки побежали, размером со слона.

– Что за...? – пробормотал я, вертя головой по сторонам.

И вдруг...

Уи-и-и-и!

Справа донесся резкий, не очень громкий вой, который тут же оборвался. Раздался далекий топот. Шлепки по воде. Шум сухого камыша.

Какая-то возня.

Я тут же вскинул бинокль и, направив его в сторону доносившихся звуков, попытался отыскать зверей. Удалось мне это не сразу. Спустя несколько секунд я все же увидел лишь одного кабана, самца, судя по размерам. Он только что бросился на что-то... Что-то темное, скрытое ветками и травой.

Есть! Вот он охотник на кабанов! Явился-таки...

– Монгол! Иваныч! – зашипел я. Рукой дернул за ближайшую веревку. Гамак охотника качнулся, отчего тот подорвался словно ужаленный.

– А?

– Есть! Там!

Оба приняли сидячее положение и схватились за ружья. Спросонья не каждому дано собраться в пару секунд, но мои напарники были толковыми людьми.

Со стороны болота продолжали доноситься звуки борьбы. Кажется, в этот раз кабан не захотел становиться легкой добычей и упорно сопротивлялся тому, кто хотел оторвать ему лапы.

– Что будем делать?

Сидеть и ждать окончания было бессмысленно.

В бинокль ни черта толком не разглядеть. Еще и луна зашла за тучу, отчего стало еще темнее.

Ответа не последовало. Монгол и егерь просто вглядывались в темноту, но никаких активных действий не предпринимали. Оба были в замешательстве.

Я крепче сжал свою двустволку, заряженную жаканом. Заранее проверил, чтобы патрон был именно на крупного зверя. Шли секунды, снова взвизгнул дикий вепрь. Прямо под нами, с шумом пыхтя и продираясь через сухую траву, пронеслась испуганная свинья, за ней торопливо ковылял детеныш. А куда второй подевался?

– Нужно идти туда! Всем вместе! – решительно заявил я.

– Сдурел? Мы не знаем что там! – брякнул Иваныч. Видимо, снова подумал про свою нечистую силу.

А вот у меня страха не было. Я давно уже не боялся – многочисленные военные операции выветрили из меня страх. В конце концов, человек страшнее любого зверя, каким бы он ни был.

– И не узнаем, если не пойдем! – хмыкнул я.

Монгол молчал, но спускаться вниз, похоже, не торопился.

– Ну, чего вы? У нас три ствола, пять выстрелов без перезарядки!

Егерь не отозвался.

И тогда я решительно закинул ружье за спину, ухватился за петлю гамака и соскользнул вниз, повиснув на руках. Отпустил петлю, приземлился на ноги. Припал на колено. Тут же сорвал со спины ружье, прокрутил в руках и приготовил его к бою. Все внимание переключилось на органы чувств. Предельное внимание.

– Куда? Сдурел, Женька!?! – охнул сверху Иваныч.

Пару секунд и рядом приземлился Монгол, крепко сжимая в руках свое ружье.

– Тьфу, растуды твою глазопалку! – выдохнул егерь, затем перебрался на дерево и слез по стволу. Все-таки одна нога у него была чуть короче другой, да и возраст. Прыжки не для него, однозначно.

Прошло секунд десять, и старик занял место рядом с нами. В руках ружье, намерения решительные. В лунном свете борода старика смешно топорщилась.

Вот только было совсем не до смеха.

– Куда вас понесло?! – прошипел егерь. – У ума походили?

– Нормально. Идем группой! – отозвался я. – Прикрываем друг друга! Что бы там за зверь ни был, ему не поздоровится! У нас три ствола! Пять выстрелов в сумме!

– Угу! – неопределенно хмыкнул Монгол. Голос у него был странный.

Я применял совершенно не охотничий метод. Несложно догадаться, что это из опыта моей прошлой жизни, тактики ведения боя в городских условиях, для малых групп. Вряд ли это было то, что нужно в этой обстановке, но по-другому я не умел.

– Пошли!

И мы двинулись вперед, держа ружья наготове. Впереди я и охотник, позади нас прихрамывающий Иваныч. Тот что-то недовольно бурчал себе под нос, что так на охоту не ходят.

Десять метров, двадцать. Тридцать.

Впереди стало как-то тихо. Однако все равно слышались подозрительные звуки, ни на что не похожие.

Еще двадцать метров прошли. Чисто. Ни справа, ни слева.

Под ногами начала чавкать мягкая влажная земля. Иногда они путались в траве, проваливались в лужи.

Еще несколько метров. Я сбавил темп, отчего Монгол вырвался немного вперед и остановился.

– Тихо! Мы на месте!

Все трое замерли. Звуки схватки кабана с неизвестным зверем стихли. Повисла мертвая тишина. И, черт возьми, это было жутко.

Накатил страх перед неизвестностью, но я тут же сбросил с себя это липкое и мерзкое чувство. Если тебя сковал страх, то ты уже на семьдесят процентов проиграл – так нас учили в учебном центре. Тебе страшно? Переступи свой страх, иначе он сожрет тебя. А там и копыта отбросить недолго. Человек, который боится, он невольно совершает ошибку за ошибкой, приближая свое поражение. А может и смерть.

Снова полноценно вышла луна.

Я увидел в десяти метрах справа что-то черное, лежащее в траве. Кивком головы указал направление, и наше трио сменило направление.

Почти сразу мы поняли – это и есть мертвый кабан. Вот хрень – самца все-таки угрохали.

– Вот дерьмо! – выдохнул я.

Пожалуй, мой эмоциональный порыв и инициатива лезть сюда – ошибка. Как бы ничего плохого пока не произошло, но кто бы ни завалил этого кабана, он по-любому осведомлен о нашем присутствии и затаился. Наблюдает за нами, ждет.

– Плохая была затея! – проворчал Матвей Иванович. Он тоже был вооружен двустволкой и сейчас ее ствол вертелся то вправо, то влево.

Слышно было наше дыхание.

И вдруг...

Откуда-то справа раздался оглушительный треск. На нас ринулось что-то... Небольшое и черное. Я тут же взял это на прицел и выстрелил. Спустя долю секунды, Монгол последовал моему примеру.

Дважды оглушительно грохнуло.

Вырвавшееся из стволов пламя и искры на мгновение осветили пространство впереди. Черт возьми, да на нас выскочил перепуганный кабаненок, до этого прятанный в густой траве. Вот дерьмо!

Оба выстрела ушли в молоко. Зверь мелкий, быстрый – резко свернул влево и унесся непонятно куда. Мы стреляли второпях, а потому и не попали. По крайней мере, мне так показалось.

Во время боевых действий есть важное правило, никогда нельзя допускать того, чтобы у всей группы одновременно заканчивались патроны. Вот и сейчас я мысленно отругал себя, что в общей сумме у нас осталось лишь три выстрела из пяти возможных.

– Перезаряжаюсь! – крикнул я, тут же разломил ружье и мокрыми от пота пальцами вытащил пустую гильзу.

Иваныч оказался самым мудрым из нас – он вообще не стал стрелять, не убедившись в том, что оно представляет угрозу. И не прогадал.

Я вытащил патрон, сунул в приемник. Захлопнул. Готово.

Рядом Монгол проводил ту же операцию, но как-то слишком долго. Еще бы, у него ружье древнее, я так и не удосужился его рассмотреть толком.

– Ну и что дальше? – спросил он, когда все-таки закончил процесс.

В двух метрах от нас лежал огромный матерый самец. Он был мертв. Одного взгляда мне хватило понять, чтобы убедиться – ноги у него на месте. Повернувшись к егерю, краем глаза увидел движение справа.

– В сторону! – рявкнул я, отталкивая егеря в сторону.

И как раз вовремя. Из травы на нас поперло что-то крупное, лохматое. Ни черта не понял, что это было. Я услышал рев.

БАХ! БА-БАХ!

Разрядил оба ствола точно в цель. Мой второй выстрел и выстрел Монгола слились в один. Что на нас выскочило – я не увидел. Иваныч, не удержав равновесие, плюхнулся на бок. Чавкнула грязь.

БАХ! – егеря выстрелил из положения лежа, но только один раз.

Я отскочил в сторону, разломил ружье и вытряхнул дымящиеся гильзы. Схватился за патронташ, дрожащими пальцами схватился за патрон, но тот выскользнул из рук и упал куда-то под ноги.

Выругался, схватился за второй. Кое-как сунул его в патронник, вытащил второй.

БАХ! – снова выстрелил Иваныч. Вот и все, теперь мы беззащитны!

Теперь чистая импровизация, огонь по готовности.

Но в следующее мгновение я осознал – зверь, в которого мы стреляли, неподвижно лежал перед нами, уткнувшись мордой в грязь. Кажется, готов!

– Черт возьми! Неужели завалили? – послышался удивленный голос охотника.

Егеря шумно выдохнув, ничего не ответил, лишь поднялся и, разломив свое ружье, принялся перезаряжаться.

Я же, пытаясь разглядеть противника, неуверенно шагнул к темной туше. Она не двигалась.

– Монгол, прикрой! – решительно закинув ружье за спину, я вытащил спички из кармана.

Чиркнул, вспыхнуло пламя.

– Твою мать! – разочарованно выдохнул я.

– Это ж медведь!

– Но медведи так себя не должны вести... – отметил Матвей Иванович.

Глава 6. С корабля на бал

Разумеется, спичкой особо не посветишь. Поэтому Иваныч, из попавшейся под руку палки и носового платка по-быстрому соорудил что-то вроде факела.

Стало куда светлее.

Мы обступили поверженного медведя. Осмотр сбил меня с толку – этот зверь был странный, очень худой. Даже истощенный. Шкура мало того что казалась словно выщипанной, она висела на нем, как пиджак на швабре.

– Это что же получается, на кабанов, лосиху и Кузьмича напало вот это недоразумение? – спросил я.

– Это медведь. Но, судя по всему, больной, – выдохнул Монгол, почесав подбородок. – Посмотрите, шерсть клочками торчит. Худющий. Выглядит нездоровым.

– Конечно, нездоровый. Он же мертвый! – пошутил я, но вышло не смешно. – В нем пять попаданий с близкого расстояния! Жаканом!

– Женька, не ерничай. Не в выстрелах дело, – нахмурился егерь. – Думаю, он был болен, или паразитами заражен.

– Разве такое бывает?

– Бывает. Из управления по охотничьему хозяйству присылали статью. Советские ученые выяснили, что помимо бешенства, замечены случаи, когда зверь после спячки просыпается больным. Это тот же шатун, только он зимой просыпался, потом находил добычу и снова впадал в спячку.

– Я тоже об этом слышал. И что же, получается, что проблема решена? – поднял бровь Монгол. – Это он на кабанов нападал?

– Выходит так, – кивнул егерь. Только сказал он это как-то не очень уверенно.

– И он же напал на зимовье Кузьмича? – задумчиво протянул я, продолжая смотреть на поверженного зверя. – Нет, ну теоретически возможно. Дури в нем достаточно, чтобы подрать когтями ставни и покрошить дверь. Вот только не верю я, что он не испугался выстрелов – ведь Кузьмич палил как заведенный. Так! Чтобы убедиться в том, что медведь был у зимовья, нужно проверить, быть может, на лапе есть следы от капкана?

Проверить это было непросто. Для того, чтобы просто перевернуть тушу, нам пришлось попотеть. Воткнув во влажную землю факел, мы совместными усилиями кое-как спихнули медведя на бок.

– Ага! Есть! – воскликнул Монгол. – Правая передняя лапа в крови.

– Ерунда. Да он, считай, весь в крови, – скептически хмыкнул я. – Мы же в него пять раз стреляли! Вот, в лапу тоже попали, теперь уже и не узнаешь, была ли там рана от капкана. Тьфу ты...

– Ну а вдруг дело вовсе не в медведе? – засомневался Иваныч. Наверняка опять про каких-нибудь чертей подумал. – Смотрите, лапы у кабана на месте! А все звери, что мы находили, были без лап...

– Может, просто не успел их оторвать? – отмахнулся Монгол. – Слушайте, ночь вокруг. Раз мы разобрались, может, уже пойдем отсюда?

Посоветовавшись, мы оставили медведя и кабана, а сами вернулись к нашему маленькому лагерю. Вновь забрались в гамаки и поболтав еще некоторое время, завалились спать. К тому моменту как раз догорел импровизированный факел. Так как вокруг ничего опасного больше не было, то и дежурство не требовалось. Поэтому все могли спокойно отдохнуть.

Остаток ночи прошел спокойно.

Проснулся я первым. Уже рассветало, на часах было шесть пятьдесят. Монгол и Иваныч еще спали, закутавшись в свои гамаки. Кстати, их устройство было доработано каким-то мест-

ным рукастым умельцем, поэтому выпасть из такого гамака, даже если очень захотеть, будет весьма непросто. А вот намеренно соскочить вниз – вполне себе, но только из положения сидя.

Погода этим утром была так себе.

Над нами сгустились тучи, практически скрыв собой апрельское солнце. К счастью, дождя пока еще не было, но так как метеоролог из меня так себе, то вполне допустимо, что скоро нам придется помокнуть. Со всех сторон сгустился легкий туман. Где-то на опушке каркали вороны, по-прежнему стоял отчетливый запах тины и сырости.

– Эй, народ! – крикнул я, дернув за веревку гамак Монгола. – Подъем! Иваныч, хорош храпеть!

Монгол, открыв глаза, громко зевнул. Затем приподнявшись, принял вертикально-сидячее положение и перебрался на ствол сосны. Цепляясь за редкие сучки, быстро сполз вниз. Сосна была не очень толстой, поэтому перемещаться по ней было несложно. Но и для этого нужна сноровка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.